

Григорьева Наталия Евгеньевна

СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННОЕ ПОЛЕ ПСКОВСКОГО ЭТНОНИМИКОНА

Целью статьи является исследование специфики семантико-деривационного поля этнонимикона в диалектной речи на материале современных псковских говоров. Изученные языковые единицы представляют собой разные лексико-грамматические классы слов, имеющих общий этнический компонент основы. Этноним латыши, в силу историко-географических и социальных причин обладая высокой для своей группы степенью производности, служит эталоном для выявления системных деривационных процессов, в которые вовлечены этнонимы в диалектной речи. Региональный этнонимикон показывает, каким образом происходит категоризация этнической семантики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 57-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Губжокова Д. Д. Средства выражения экспрессивности в кабардино-черкесском языке (лексико-семантический аспект): автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 2012. 24 с.
2. Дедык Е. И. Рукопись на корякском языке «Лыжный переход» / подготовлена к публикации, переведена на русский язык, снабжена поморфемным переводом и опубликована: Т. А. Голованева, А. А. Мальцева; рукописный рассказ Екатерины Ивановны Дедык на корякском языке о лыжном походе 1943 года // Язык и фольклор народов Сибири. 2015. № 2. С. 16-40.
3. Кузнецова Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011. 42 с.
4. Мальцева А. А. Глагольные отрицательные конструкции в корякском языке. Новосибирск, 2014. 138 с.
5. Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л., 1960. 237 с.
6. Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском литературном языке (лексико-семантический аспект): автореф. дисс. ... к. филол. н. Якутск, 2006. 30 с.

**MEANS OF CREATING EXPRESSIVENESS IN THE KORYAK JOURNALISTIC TEXT
(BY THE MATERIAL OF THE ESSAY BY E. I. DEDYK "SKI PASSAGE")**

Golovaneva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Novosibirsk
gta-77@mail.ru

The article examines the means of text expressiveness strengthening in the Koryak language by the material of the essay of the Koryak journalist E. I. Dedyk. The high degree of expressiveness in the Koryak language is connected, first of all, with the use of the word-formative affixes of subjective assessment that may be joined to any nominal stem. Word-formative means, in combination with lexical and syntactic ones, create such a high level of journalistic text expressiveness in the Koryak language that it is impossible to translate it into Russian preserving the emotional richness of the text.

Key words and phrases: Paleo-Asian languages; Koryak language; the Koryaks; narrative; written form of language; journalistic style; essay; means of creating expressiveness; text stylistics; suffixes of subjective assessment; diminutive; augmentative.

УДК 800.86/87

Целью статьи является исследование специфики семантико-деривационного поля этнонимикона в диалектной речи на материале современных псковских говоров. Изученные языковые единицы представляют собой разные лексико-грамматические классы слов, имеющих обций этнический компонент основы. Этноним латыши, в силу историко-географических и социальных причин обладая высокой для своей группы степенью производности, служит эталоном для выявления системных деривационных процессов, в которые вовлечены этнонимы в диалектной речи. Региональный этнонимикон показывает, каким образом происходит категоризация этнической семантики.

Ключевые слова и фразы: этноним; псковский этнонимикон; парадигматические (семантико-деривационные) связи; этнонимическое поле; отэтнонимные дериваты.

Григорьева Наталия Евгеньевна
Псковский государственный университет
etnonim@yandex.ru

СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННОЕ ПОЛЕ ПСКОВСКОГО ЭТНОНИМИКОНА

Введение. Исследование этнонимов с позиций системно-структурной научной парадигмы позволяет рассматривать их как структурированное поле с наличием ядерно-периферийных отношений и потенциальными возможностями вступать в различные виды отношений между собой и другими языковыми единицами. Парадигматический уровень этнонимических единиц псковской диалектной речи характеризуется отношениями полисемии, деривационными связями. Причем основные типы семантико-деривационных отношений прослеживаются в базовой части этнонимикона. Наша цель – выявить и проследить специфику этих связей по данным псковских говоров.

Семантико-деривационное поле. Диалектный лексический пласт псковских говоров, выявленный по материалам «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) и Картотеки ПОС (КПОС), подтверждает слова В. И. Супруна о том, что «любой неслучайный набор языковых единиц и явлений, их структурированная совокупность может быть представлена как поле» [10, с. 11].

Этнонимическое поле – это иерархическая структура этнонаименований, объединенных общей семьей, которая содержит в себе этнический компонент. Лексические единицы этнонимического поля связаны между собой системными отношениями, характеризующимися наличием ядерно-периферийного положения

по отношению к стержневому этническому компоненту. Полное соответствие статуса этнонима обнаруживается в собственно названиях определенных этносов (*русские, латыши, эстонцы, немцы* и др.), упоминание о которых связано с рядом языковых и внеязыковых причин, характеризующихся наличием территориальных, конфессиональных, религиозных и других связей местного населения. Они составляют ядро псковского этнонимикона. В приадресной зоне располагаются различные виды отэтнонимных образований: субстантивные, адъективная, адвербиальная, глагольная лексика, этнопонимы, ксенономинативы и т.д. Они имеют те же этноосновы, что соответствующие этнонимы, однако не содержат обобщенного значения, характеризующего представителя определенного этноса. Рассматриваемые этнонимические дериваты содержат непосредственное и регулярно воспроизводимое указание на связь с соответствующим этнонимом.

Особенности этнонима как ядерной зоны этнонимического поля. В силу историко-географических и социальных причин в псковских говорах одним из базовых в системе этнономинаций является этноним, называющий представителей латвийской национальности. Слово *латыш* зафиксировано в значениях: 1. 'житель Латвии; человек латышской национальности': *Егбн атец был латыш*. Печ.; *Эстонцэф да латыш оф мбога фсе*. Печ.; *Сицас латышы жывут на хутарам, а мы жыли диривям*. Кр.; 2. 'русский человек, живший в буржуазной Латвии до 1940 г.': *Мы латышам их завём, яны фси травы зняють*. Кр. 3. бран. 'обращение к человеку': *Ляжыте, латышы, иш забарабанили*. Вл. [8, вып. XVI, с. 529-530].

Поскольку этноним как групповое наименование в речи используется преимущественно в форме множественного числа, то эта особенность системно закреплена в отэтнонимных образованиях со значением собирательности: *латышня, латышняк, латышыё*. Формантами в дериватах являются суффиксы *-н(я), -няк(о), -j(o)*: *Ранышэ латти насили, а эта латышня фсе витушки, верёвачки такие тоненькие*. Палк.; *Там фсе латышняк жыли*. Стр.; *У Латвии христили латышыё*. Себ. [Там же, с. 530-531]. Оформление этнонимов в виде собирательного существительного, возможно, отражает восприятие информантом соответствующего этноса в виде некоего нерасчлененного единства, что характерно для номинации чуждого. Обнаруженные дериваты от этнонима *латыш*, содержащего обобщенное представление об этноколлективе, поддерживают языковой статус этнонима. В языке это выражается через категорию множественности в наименовании этноса как единства, совокупности и нерасчлененности.

Справедливы наблюдения Ю. С. Азарх, в которых исследователь отмечает поэтапное угасание собирательного значения у существительных с суффиксом *-j-*, обусловленное их семантикой, и развитие словообразовательных типов, передающих собирательность, в литературном языке с помощью аффиксов (*-ство, -щина*), в просторечии и диалектах (*-ня, -няк/-няг*) [1, с. 150, 160, 162]. Более того, само собирательное наименование может отсылать к сингулятиву за счет семантической производности: *Сриди немцыф был латышняк, гаварил нам: «Иди ти, куда хати те»*. Н-Рж. [8, вып. XVI, с. 530-531].

Анализ семантического потенциала этнонимов позволяет характеризовать основные представления носителей языка о чужих этносах, их особенностях жизнедеятельности, языке и культуре в целом. Наличие словообразовательной цепочки производных для одних этнонимов – при отсутствии аналогичных дериватов для других – свидетельствует об особом месте и роли образов соответствующих этносов в языковой картине мира диалектоносителя.

По данным ПОС, для наименования представителей латышской национальности обнаруживаются синонимы – оттопонимные производные: *латышец, латвинец*: *Ана [дочка] вышла за латвийца. Онё богатыи*. Дн.; *А муш у ёй был латвинец. Латвинцы харошые дь меня били*. Локн. [Там же, с. 523]. Таким образом, семантический центр этнонимического поля представлен несколькими лексическими единицами: *латыш; латышец, латвинец* (производные от *Латвия*). Ввиду обнаруженных контекстных употреблений этнонима *латыш*, а также в силу его системных связей в его семантической структуре правомерно усматривать как отдельные значения 'человек латышской национальности' и 'житель Латвии', сформулированные в ПОС обобщенно (как единое значение 1).

Семантические зоны отэтнонимных дериватов. Этнонимический материал псковских говоров репрезентирует вербально-семантическое пространство, образующее категорию этничности, включающую основные семантические зоны, выделенные Т. А. Сироткиной: «собственно название группы людей, название мужчины, название женщины, принадлежности, обозначение характеристики, обозначение действия, способа действия, топонима и др.» [9, с. 32].

Содержание диалектных высказываний раскрывает близость этносов, связанных с зоной активных социальных контактов, что порождает ряд номинаций, противопоставленных по гендерному признаку: *латыш / латышка / латышанка; латвинец / латвинка*. В номинативном плане маркированным членом оппозиции становится признак мужского наименования. Этнооснова слов мужского рода является производящей базой для этнономинирования представительниц женского пола. У этнонима *латышка* наблюдаются синонимы *латышанка, латвинка* в значениях (также дифференцированных, в отличие от лексикографической интерпретации в ПОС) 'жительница Латвии': *Мы, латышанки: тожа научились гаварить па-латышки*. Печ. [8, вып. XVI, с. 530]; 'лицо женского пола латышской национальности': *Есть у ниво там и латвинка, латышка*. Остр. [Там же, с. 523].

Границы полевой структуры этнонаименований представителей латышской национальности расширяются за счет противопоставлений по возрастной составляющей. Для наименования лица младшего по возрасту (ребенка) используется лексема *латышок* – 'ребенок – мальчик латышской национальности': *У няё сын уехал у Комю, и сястра у Комяи жыветь; с нею мальчик яё, латышок*. Пуст. [Там же, с. 531].

Системные деривационные отношения связывают этнонимы с производными лексемами, которые относятся к разным лексико-грамматическим классам слов.

Субстантивы. Регулярными отэтнонимными производными являются неофициальные наименования территории, занимаемой этносом: *Латы́щина* как ‘название Латвийской республики в составе бывшего СССР’: *Даро́гу навяду́ть харо́шую, шасэ – в Латы́шшыну э́здить*. Палк. [Там же]. Отмечается также название местности по конфессиональному признаку: *Латы́щина* – собир. ‘иностраные европейские государства; заграница’ (по-видимому, объединение подчеркивает не географическую или административную общность, а принадлежность к католицизму): *С Латы́шшыны бы́ла ра́дива, я слу́шала*. Гд. [Там же, с. 529]. Продуктивность использования топонимного форманта *-(ц)ин(а)* в псковских говорах подтверждает наблюдения Д. В. Кузьмина, который отмечает, что распространение этого суффикса в России связано с северо-западными губерниями: Брянской, Смоленской, Псковской, Новгородской, а также бывшими Архангельской и Вологодской губерниями [5, с. 63-68]. Также на территории северо-запада встречаются этнотопонимы, образованные по другим словообразовательным моделям: *Латы́шево* (Остр.) [7], *Латы́шино*, *Большо́е Латы́шино*, *Ма́лое Латы́шино* [6, с. 496], *Латы́шский Сэсэ́р* [8, вып. XVI, с. 531]. Этнотопонимический вектор, направленный в сторону этнотопонимии, иллюстрируется также устойчивым сочетанием, номинирующим ареал, территорию поселения латвийского этноса – *Латви́нская респу́блика: Ра́ньшэ здесь Латви́нская респу́блика бы́ла*. Кр.; *Кода́ при Латви́нской респу́блике мяня́лись назва́ния, ка́ждому ху́тору своё дава́ли*. Кр. [Там же, с. 524].

Семантическая наполненность топонимов этнонимическим компонентом раскрывает двойственный характер этнонимов в целом, определяющий их связь с системой имен собственных (топонимов, антропонимов) и с системой нарицательной лексики определенной территории.

Адъективы. В псковской диалектной речи отмечены деривационные гнезда с этнонимом в вершине, включающем ряд производных адъективных лексем: *латы́шский* в значениях: 1. ‘относящийся к жителям Латвии’: *Наве́рна, анно́ и то́ жа – латви́ньский и латы́сский*. Остр.; 2. ‘расположенный на территории Латвии’: *Ламы́ [деревня] бы́ли ру́сские и латы́сские*. Печ. [Там же, с. 531]; *латы́шастый* в значении ‘принадлежащий латышской национальности’ (в пейоративном употреблении): *И лты́шняк ня любил нас: вот мы хадилы, прасились нчы́вать – ня пусти́ли, латы́шастые га́ды*. Кр. [Там же, с. 530]. В тех же значениях используются относительное прилагательное *латы́нский*: *А Ри́га – латы́нский го́рот*. Холм. [Там же, с. 524].

Адвербиальные лексемы. От рассматриваемых прилагательных образованы адвербиальные лексемы синонимичной семантики: *по-латы́шки* – ‘на латышском языке’: *Ты мъркава́л пь-латы́ски*. Пыт. [Там же, с. 531], *по-латви́йски*: *Нимно́шкь кави́ркэли па-латви́йски*. Пыт. [Там же, с. 523], *по-латы́нски*: *Каро́ву сваю́ пь-латы́нски назвала́*. Порх. [Там же, с. 524].

Таким образом, рассмотренные дериваты, включающие сему ‘представитель латышской национальности’, базируются на четких признаках, отражающих системную организацию этнонимической лексики. Выявленные словообразовательные отношения в псковских говорах характеризуются параллелизмом парадигматических связей дериватов внутри всего лексико-семантического поля этнонима. От этнонимов могут образовываться целые лексические классы единиц, позволяющие характеризовать этнос по стабильному набору признаков.

Результаты сопоставительного анализа выявленных закономерностей в формировании семантико-деривационного поля на материале псковских говоров представлены в Таблицах 1 и 2, где отражены системные связи этнонимов, исторически и географически связанных с территорией Псковщины [4; 8].

Таблица 1.

Система отэтнонимных дериватов в диалектной речи

Слово-этноним	Наименование лица муж. пола	Наименование лица жен. пола	Наименование ребенка	Этнотопоним	Адъективные и адвербиальные лексемы
евре́и	евре́й/евре́йга		евренёнок / евреёночек		евре́ев, евре́йский
жиды́/жидю́г	жидовин		жидёнок	Жидо́вка	жидо́вкин, жидо́вский
не́мцы	не́мец	не́мка		Неме́тчина	неме́цкий
герма́нцы	герма́нец	герма́нка			герма́нский
полуверцы	полуве́рец полуверу́н	полуве́рка	полуверня́та	Полуве́рщина	полуве́рский по-полуве́рски
чу́хна́/чухя́/ чухно́/чухни́ще	чухо́нец чухня́к	чухо́нка	чухне́нок/ чухня́та	Чухо́нщина	чухо́нский по-чухо́нски

Анализ показал, что аналогичные процессы настолько сильны, что они распространяются на весь этнонимический потенциал, функционирующий в диалектной речи. Ср.:

Таблица 2

кита́йцы	кита́й/ кита́ец/ кита́йнец	кита́йка	кита́ята	Кита́йщина	кита́йский кита́ечный
----------	-------------------------------	----------	----------	------------	--------------------------

Семантико-деривационное поле в функциональном аспекте. Функционирование в диалектной речи этнонимов детерминировано существованием самих этносов и устойчивых представлений о них. Как правило, стереотипом является восприятие другого этноса как чуждого и непонятного, что порождает экспрессивность и у этнонимов, так как субъективно-эмоциональное отношение «зависит от социально-политической истории развития этносов» [2, с. 177]. Так, экспрессивность в функционировании этнонимов прослеживается в отборе оценочных словообразовательных формантов, вносящих негативную коннотацию (*латышня*), а также в контекстном окружении (использование указательного местоимения), что в совокупности создает отрицательный когнитивный фон (в данном случае – уничижительный): *Рáньшэ лáпти насíли, а ésta латышня́я фсё витушки, верёвачьки такíе тóньеньки*. Палк. [8, вып. XVI, с. 530-531].

Представить полностью структуры образа латышского этноса, отношения к нему со стороны говорящего помогает псковский фольклорный материал. Частушки (или припевки) как жанр относительно новый, но очень ярко отражающий социально-бытовую сферу, сферу личных отношений представителей соседствующих этносов, добавляют новые краски в сложную палитру межэтнических контактов: *По нашему по полю Ни проехать, ни пройти: По краям живут евреи, По середине латыши. Меня латышечки учили По-латышски говорить, А я, девочка, сказала: «Мне латышечкой не быть!». Платье клеи, платье клеи, Платье узкая! Мой миленок латышенок, А я русская! Сошью кофту белую, Кружевам отделаю. Навязался латышенок, Что же я поделаю¹* [3].

Таким образом, рассмотрение функционирования этнонимов и этнонимных производных показывает экспрессивность всего дискурсивного диалектного фона, в котором они употребляются. Полнота когнитивной картины сосуществования этносов может быть выявлена путем привлечения как материала спонтанной диалектной речи, так и произведений народного творчества, фиксирующего устойчивость межэтнических представлений.

Заключение. Таким образом, анализ состава семантико-деривационного поля псковского этнонимикона на примере лексемы *латыши* в центре этнонимического поля показал, что рассмотренная система значений этнонимических образований реализуется в регулярно воспроизводимых и устойчивых смысловых доминантах, характеризующая весь этнонимический корпус говоров. Отдельные лакуны могут свидетельствовать только о ресурсных возможностях системы.

Языковые единицы псковского этнонимикона помогают воссоздать культурно-исторический «портрет» того или иного этноса, восприятие которого отражается в комплексе этнических признаков, реализуемых в народной речи и народном творчестве. Региональный этнонимикон Псковщины показывает, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие главные и второстепенные признаки образуют категорию этничности в целом.

Список сокращений районов Псковской области (в соответствии с сокращениями в ПОС)

Вл. – Великолукский район	Печ. – Печорский район
Гд. – Гдовский район	Порх. – Порховский район
Дн. – Дновский район	Пуст. – Пустошкинский район
Кр. – Краснородский район	Пыт. – Пыталовский район
Локн. – Локнянский район	Себ. – Себежский район
Н-Рж. – Новоржевский район	Стр. – Стругоокрасненский район
Остр. – Островский район	Холм. – Холмский район
Палк. – Палкинский район	

Список литературы

1. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 247 с.
2. Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Труды Уральского МИОНа / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 20. С. 175-187.
3. Икко Н. «Полюбила латыша – совсем вымерла душа» (русско-латышские отношения по материалам частушек) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ikko1.htm> (дата обращения: 30.08.2016).
4. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (КПОС) (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета).
5. Кузьмин Д. В. Истоки форманта -šina в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание: сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 63-68.
6. Новгородский областной словарь (НОС) / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. XXVII+1435 с.
7. О внесении изменений в Закон Псковской области от 03.06.2010 г. № 984-оз «Об установлении границ и статусе вновь образуемых муниципальных образований на территории Псковской области» и Закон Псковской области «О преобразовании муниципальных образований Псковской области» (принят Псковским областным Собранием депутатов 27.05.2010) // Псковская Правда. 2010. 8 июня.
8. Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС) / под ред. Б. А. Ларина и др. Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967-2015. Вып. 1-25.
9. Сироткина Т. А. Языковая репрезентация категории этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края): автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2012. 45 с.
10. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

¹ Написание слов дается согласно источнику.

SEMANTIC-DERIVATIONAL FIELD OF PSKOV ETHNONYMICON

Grigor'eva Nataliya Evgen'evna

Pskov State University

etnonim@yandex.ru

The article aims to study the specifics of ethnonymicon semantic-derivational field in dialect speech by the material of modern Pskov dialects. The linguistic units under analysis represent different lexical-grammatical classes of words with the common ethnic basis component. The ethnonym "Latvians", which has a high for its group derivation potential due to historical-geographical and social reasons, serves as a model to identify systemic derivation processes involving dialect ethnonyms. Regional ethnonymicon shows how the categorization of ethnic semantics occurs.

Key words and phrases: ethnonym; Pskov ethnonymicon; paradigmatic (semantic-derivational) relations; ethnonymic field; derivatives from ethnonyms.

УДК 8

Статья описывает наиболее характерные для дискурса современного британского автора – Сью Таунсенд – языковые приемы создания комического эффекта. Осуществляемый выбор данных приемов, а также разнообразие их языкового оформления детерминированы особенностями идиостиля С. Таунсенд и индивидуально-авторского подхода к отражению явлений действительности. Автору свойственны гиперболизация характеристик пространства, окказиональные словообразовательные трансформации, интродукция синтаксических структур, порождающих алогизмы, и т.д.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; художественный дискурс; гиперболизация пространства; риторический вопрос; ономатопея; имплицитное сравнение.

Дзюбенко Анна Игоревна, к. филол. н., доцент

Южный федеральный университет

dzyubenkoanna@gmail.com

**ИДИОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ
КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ДИСКУРСЕ С. ТАУНСЕНД**

Способность узнавать и воспринимать в порождаемом письменном или устном дискурсе комическое представляется неотъемлемым компонентом психоэмоциональной деятельности индивида, способствующей стимуляции когнитивных механизмов систематизации и анализа получаемой им эмотивно-маркированной информации. Создание комического является результатом различных форм взаимодействия внутри социума и языковой общности, это результат отражения культурных ориентиров и ценностей через призму данной языковой общности. В этой связи с исследовательской точки зрения представляется весьма актуальным описать индивидуально-авторские, идиостилистические приемы создания комического в необычном по содержанию и форме виде дискурса. Во-первых, избранный в качестве материала для исследования дискурс создан женщиной-автором, которая, по мнению многих литературных критиков и издательских домов, признается выдающимся сатириком современности. Во-вторых, это всеобщая любимица Британии, которой удалось отразить национальный характер комического и создать неповторимый портрет современной жизни через призму восприятия пронизательной женщины. Комическое в художественном дискурсе С. Таунсенд отличает острое, а иногда и гипертрофированно чуткое восприятие явлений и объектов окружающего мира, она, несомненно, обладает особым умением говорить смешные вещи с невозмутимой серьезностью.

В целом художественный дискурс Сью Таунсенд – явление особое в британской и мировой литературе, так как автору удалось сочетать на первый взгляд взаимоисключающие черты – глубину и серьезность, иногда трагичность описания рутины, в которую вовлечен ее герой – дискурсивное воплощение среднестатистического обывателя, а также комизм и легкость восприятия всевозможных проблем и трудностей, возникающих на пути героя Таунсенд во время его восхождения по социальной и карьерной лестнице.

Феномен комического изучается как естественными, так и гуманитарными науками. Многие известные отечественные и зарубежные исследователи (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Е. Галлиган, И. Кант, Дж. Макфадден, В. Я. Пропп, З. Фрейд и др.) неоднократно предпринимали попытки систематизации этого явления, что привело к появлению различных трактовок комического в современном гуманитарном знании. Комическое – одна из главных эстетических категорий, сохранившая в себе богатый опыт общественного сознания, полученный в процессе освоения и познания мира. По мнению В. В. Виноградова, одним из основных способов создания комического эффекта является каламбур или игра омонимами, прямым и переносным значениями [2, с. 137]. Л. М. Васильев считает, что авторские окказионализмы, созданные писателем с помощью остроумного соединения разных слов, – важнейший лингвостилистический прием создания комического [1, с. 86]. М. А. Панина же полагает, что специфическое средство сатиры и создания комического эффекта заключается в гиперболе [3, с. 45].